

А. Ю. Балакин

ВЫПУСКНИК ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО ЛИЦЕЯ ПОЭТ НИКОЛАЙ ТРЕТЬЯКОВ

В самом начале 1843 года, 7 января, в петербургской газете «Северная пчела» появилась следующая некрологическая заметка: «В последний день минувшего 1842 года угаšla жизнь Николая Николаевича Третьякова, на двадцать седьмом году от роду. Русская Литература лишилась в нем еще одной из юных надежд своих, на которую давали ей права напечатанные уже в разных журналах его стихотворения: *Отрочь Монастырь, Купец, Русская баня, Близнецы, Спор* и другие. — Для родственников и друзей, кратковременная жизнь его оставила неизгладимое воспоминание о прекрасных свойствах души, исполненной благородными и высокими качествами»¹. Через два дня эта заметка была без изменения перепечатана в «Санкт-Петербургских ведомостях»², а еще через три в сокращенном виде попала на страницы «Московских ведомостей»³. В эти же дни развернутый некролог публикует Ф. А. Кони на страницах своей «Литературной газеты», где отмечает, что покойный поэт «обещал со временем дарование замечательное. <...> Можно было ожидать весьма много от его таланта, который еще не достиг полного развития и сознания»⁴. Подстрочным редакционным примечанием некрологического характера сопроводил посмертную публикацию стихов Третьякова и «Сын Отечества»⁵, а через год сообщение о его смерти появилось в «Месяцеслове» в разделе «Некролог достопримечательнейших особ»⁶.

Эти некрологи не ускользнули от внимания позднейших историков литературы. Имя Третьякова попало в «Азбучный указатель имен русских деятелей для Русского биографического словаря»⁷; Г. Н. Геннади упомянул его в четвертом, неизданном томе своего «Справочного словаря о русских писателях и ученых...»⁸; сведения о нем дал «Русский энциклопедический словарь» И. Н. Березина⁹; С. А. Венгеров поместил заметку о Третьякове в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза — Ефрона, где вел литературный отдел; А. В. Смирнов учел псевдоним Третьякова в своей статье «К словарю псевдонимов русских писателей»¹⁰; информацией Смирнова затем воспользовался И. Ф. Масанов¹¹.

Кто же был этот рано ушедший из жизни поэт? Упомянутые выше источники говорят об этом весьма скупо. Два небольших некролога — вот и все, чем можно располагать на данный момент. Попробуем же, опираясь на архивные источники, проследить его жизненный путь.

Отец Третьякова был военным. Он происходил из дворян Петербургской губернии, где за его отцом, дедом Николая Николаевича, было 30 душ крестьян в Ладожском уезде¹². Рано начав службу, он в 1787 году получил офицерское звание, а уже через три года был полковником и кавалером ордена Св. Иоанна Иерусалимского; принимал участие в различных кампаниях. В 1805 году он становится командиром полка, через год — командиром бригады, а в 1810 году его назначают начальником Лифляндского округа по артиллерийской части. Участник Отечественной войны 1812 года, награжден золотым оружием за штурм Праги, в 1813-м он получает чин генерал-майора, в том же году удостоен ордена Св. Анны 2-й степени, в 1816 году — Св. Георгия 4-й степени, в 1824 году — Св. Владимира 3-й степени¹³. Наконец, 22 декабря 1816 года был подписан приказ о назначении генерал-майора Третьякова 1-го (так он именовался в официальных документах) командиром Шостенского порохового завода¹⁴. Видимо, там и прошло детство будущего поэта, который был четвертым, самым младшим ребенком в семье: прежде него родились братья Федор и Александр и сестра Прасковья.

Точной даты и места рождения Третьякова установить не удалось. Сейчас можно указать только крайние даты «не позднее — не ранее» с промежутком в девять месяцев. Некрологи утверждают, что Третьяков умер на 27-м году от рождения, т. е. ему в момент смерти было полных 26 лет. В то же время один из архивных документов, приводимых ниже, свидетельствует, что 27 марта 1827 года Третьякову было 12 лет. Значит, можно установить следующие границы: не ранее 27 марта 1816 — не позднее 31 декабря 1816 года. Интересно отметить, что действие единственного известного нам прозаического произведения Третьякова — рассказа «Бриллианты» — начинается 14 ноября 1816 года. Не попытался ли таким образом его автор увековечить дату своего рождения?

Между 23 июня 1825 года и 14 апреля 1826 года Третьяков-отец умирает¹⁵. Малолетний Николай переезжает в Петербург, где его опекуном становится Григорий Степанович Вистицкий (1765–1836). Кем он был Третьякову, в каком родстве с ним состоял, мы не знаем. Нам известно только, что перед смертью он был тайным советником, кавалером орденов Св. Анны 1-й степени и Св. Владимира 3-й степени и служил в Межевом департаменте Сената¹⁶. Вторым опекуном был надворный советник (в других документах этого же времени — коллежский асессор) Николай Федорович Кандалинцев (1797–1860)¹⁷, дядя Третьякова, имевший собственный дом (№ 56) на Моховой улице¹⁸, в 1854 году бывший членом Мануфактурного совета¹⁹.

В десятилетнем возрасте 31 октября 1826 года Третьяков был зачислен кандидатом в благородный пансион Царскосельского Лицея на собственное содержание²⁰. Там же во втором классе уже учился его брат Александр²¹, старший же брат Федор к тому времени был лицеистом второго курса²².

Пятнадцатого января 1829 года Благородный пансион посетил император и остался им недоволен. Вслед за высочайшим недовольством последовали немедленные действия: уже в феврале было принято решение об упразднении Благородного пансиона; 13 марта об этом извещают опекунов²³ и запрашивают их о том, какой они видят судьбу своего воспитанника. Двадцать шестого марта лицейское начальство получает следующий ответ:

«На объявление одного Правления от 13 марта сего 1829 года о назначении по экзамену конференции находящегося в Царскосельском Пансионе Николая Третьякова к переводу в Императорский лицей, и на вопрос, желаем ли мы поместить его в Лицей с тем, что он сходно высочайшей воле будет выпущен в Статскую службу — честь имеем объявить — что мы опекуны желаем чтобы он был помещен в Лицей с тем что сходно Высочайшей воле выпущен будет в Статскую службу — ежели неудостоятся к переводу в Царскосельский Лицей, то в таком уже случае покорнейше просим о помещении его из числа военноучебных заведений: — в Артиллерийское или Инженерное училище, или в Институт Путей сообщения.

Тайный Советник Сенатор и Кавалер Григорий Вистицкий
Коллежский асессор Николай Кандалинцов»²⁴.

Уже на следующий день вопрос о судьбе Третьякова был решен: 27 мая его имя появляется в «Списке 25 воспитанников Царскосельского Благородного Пансиона, назначенным к переводу в Лицей» под № 16²⁵. В этот момент ему было полных 12 лет. В мае этого же года Третьяков был переведен в младший курс Лицея²⁶.

Сохранились воспоминания одного из сокурсников Третьякова по Лицею, Алексея Александровича Харитонов (1816–1896) — будущего сенатора, чиновника канцелярии по делам Закавказского края. И хотя на их страницах не появляется интересующее нас имя, но они дают представление о той атмосфере, которая окружала юного Третьякова. Приведем несколько фрагментов:

«В 1832 году мы, все 25 человек, поступившие из упраздненного Лицейского пансиона, перешли в старший курс и пользовались удобствами просторного и роскошного помещения во флигеле большого Царскосельского дворца, который и до сих пор сохранил название лицея.

Тогда же даны были воспитанникам лицея треугольные шляпы и начали значать из них дежурных ко Двору, во время присутствия Их Величеств в Царском Селе, по воскресным и торжественным дням. Воспитанники старшего курса сравнены были в этом случае с камер-пажами, а младшего — с пажами. <...> Кроме того, мы были приглашаемы в Александровский <...> дворец на танцевальные вечера и спектакли. Выбирали для этого преимущественно тех, которые были красивее и лучше танцевали. <...> дух заведения был превосходный: старинные предания поддерживались прежними выпускными, которые приезжали не только из Петербурга, но и из более далеких мест, чтобы навестить нас. <...> Мы работали, учились и читали много: из 25-ти воспитанников нашего курса больше половины в последние два года вставали в 3 часа утра и занимались каждый за своей конторкой тем, в чем чувствовали себя слабее. Обыкновенно же мы читали в эти часы известных авторов по любимым предметам, а также занимались составлением записок или сочинений на заданные темы. <...> Начальство не запрещало этих ранних занятий и отпускало для них зимой казенные свечи. У нас была также своя литература: альманахи и журналы. Так, я с Ханыковым²⁷ издавал журнал под названием „Сын Лицея“»²⁸.

Конечно, в такой атмосфере было трудно удержаться от творчества. Это подтверждает знавший Третьякова Ф. А. Кони: «Он получил образование в Царскосельском Лицее, где, под влиянием воспоминаний о поэтических трудах Пушкина,

развился и его стихотворный талант»²⁹. В одном из опубликованных посмертно стихотворений поэт так описывал свое лицейское жилище:

Не велика моя студенческая келья;
В ней нет ни серебра, ни бронзы, ни зеркал;
Не слышно в ней пиров разгульного веселья,
Не слышно лести в ней, ни купленных похвал.
В ней есть убогий стол, бумагами покрытый,
Да полки с книгами, да Байрона портрет;
Есть копия жалкая с картины знаменитой,
Да сам я; вот и все³⁰.

Третьяков-лицеист не был смиренным ребенком, он единственный из учеников во время пребывания в Лицее подвергся наказанию: «за неучтивость против гувернера был посажен в карцер на одне сутки»³¹. В одном из документов 1833 года против его фамилии указано: «Наклонен к резвости, правдив, <успехи> весьма хороши»³².

В 1835 году Третьяков заканчивает Лицей, и ему выдается следующее свидетельство: «Воспитанник Императорского Царскосельского Лицея, Николай Третьяков, во время пребывания своего в сем учебном заведении при поведении [удовлетворительном] довольно хорошем, оказал успехи: в Законе Божиим, Юридических и политических науках, географии и статистике хорошие; в Истории весьма хорошие; в Русской словесности отлично хорошие; в Нравственных науках, математике, Французской и немецкой словесности удовлетворительные, в Физике посредственные, в Латинской словесности худые. Сверх того обучался рисованию, фехтованию и танцованию. Ныне, с высочайшего его Императорского величества утверждения, выпущен в гражданскую службу с чином XIV-го класса — в чем и дано ему Николаю Третьякову от Конференции Императорского лицея сие свидетельство за надлежащим подписанием и с приложением печати Лицея. Царское Село. Октября <пропущено> дня 1835-го года»³³.

Его, как и всех других выпускников, запрашивают, куда он хочет поступить на службу, и получают следующий ответ: «Согласно с волею моих родственников желаю поступить на службу в Министерство Внутренних Дел»³⁴. По выходе из Лицея Третьяков получил чин коллежского регистратора³⁵ и единовременное пособие 327 рублей 77 ⁸/₁₀₀ копеек³⁶.

Сначала выпускной акт был назначен на 6 февраля³⁷, но затем был перенесен и состоялся 13 июня. «Когда окончился последний выпускной экзамен из статистики, — вспоминал А. А. Харитонов, — <...> мы пропели, может быть в последний раз, умильную прощальную песнь первых воспитанников Царскосельского лицея <...>. Раздались громко пропетые и сквозь слезы прослушанные заключительные слова кантаты: “Прощайтесь, прощайтесь, обнимемтесь в последний раз”. Исполнив это приглашение по завету праотцев лицея и по собственному чувству, наполнявшему наши юные сердца, мы поднялись в дортуары, где ожидали нас петербургские портные и, нарядившись во фраки, отправились in cogroge к почтенному нашему директору Ф. Г. Гольтгоеру благодарить, в его лице, все лицейское начальство и наставников за полученное воспитание <...>. Затем сошлись мы к обеду в ресторан Друммеля и расстались навсегда, так как потом уже не могли собраться в полном

комплекте»³⁸. Утверждение в чинах состоялось 31 октября, а 27 ноября все лицеисты выпуска 1835 года были по традиции приглашены во дворец для представления Николаю I. Но Третьяков на этом мероприятии не присутствовал: был болен³⁹.

После выхода из Лицея Третьяков поступает на службу в канцелярию Министерства внутренних дел, но вскоре переводится в статистическое отделение того же министерства⁴⁰. Более ничего о его служебных перемещениях нам не известно. Один из источников утверждает, что Третьяков якобы «был Чиновником Особых Поручений при Статистическом Отделе» этого министерства⁴¹, но документальных подтверждений этому мы не нашли. В Адрес-календарях за 1836–1842 годы имя Третьякова в штате Министерства внутренних дел не упоминается. Нет его в книге «Общий состав Министерства внутренних дел. Состояние чинов и должностей показано по 1839 г.» (Б. м., б. г.). Не удалось обнаружить сведений и при выборочном просмотре коллекции формулярных списков чиновников статистического отдела Министерства внутренних дел за 1835–1842 годы⁴².

Гораздо более полно можем мы проследить литературную судьбу Третьякова. В печати его имя впервые встретится на страницах «Пантеона русского и всех европейских театров» (1841. № 6), где он публикует стихотворение «Жница Мария» (с подзаголовком «Старинная бретанская легенда»). Через два месяца в «Пантеоне» же (№ 8) Третьяков помещает уже три стихотворения: «Негодование», «Спор» и «Могила» (последнее — с подзаголовком «Памяти В. Н. А. <сенковой>»). Вслед за этим публикации посыпались, как из рога изобилия: его печатают «Библиотека для чтения»⁴³, «Литературная газета»⁴⁴, «Сын Отечества»⁴⁵ — всего, по нашим сведениям, Третьяков при жизни успел напечатать 14 стихотворений, как правило, довольно значительных по объему⁴⁶. Они не прошли незамеченными. Вот как писал о поэзии Третьякова безымянный рецензент «Литературной газеты», разбирая шестой номер «Пантеона» за 1841 год: «Из стихотворений особенно замечательны: Бретанская легенда г. Третьякова: *Жница Мария*. Вообще в стихотворениях г. Третьякова, недавно выступившего на литературное поприще, заметно неподдельное дарование. Его *Братья Близнецы* (в Библ.<иотеке> для Чтения), *Русская баня* и *Молодой купец* (в Лит.<ературной> Газете) доказывают, что он умеет мыслить и чувствовать; не во всех только его стихотворениях найдете вы — *вдохновение*»⁴⁷. Забегая вперед, скажем, что после смерти Третьякова его имя исчезло со страниц петербургских журналов не сразу: еще три года его стихи печатали те же издания, что и при жизни: «Литературная газета»⁴⁸, «Библиотека для чтения»⁴⁹, «Сын Отечества»⁵⁰.

Поэтическое творчество Третьякова чрезвычайно эклектично как тематически, так и стилистически. С одной стороны, очевидно влияние на него Пушкина и Лермонтова, с другой — официозной патриотической лирики. Он пробует и перелагать старинные русские предания («Молодой купец и жена его: Новгородское предание», «Отрочь-монастырь. (Тверское предание XIII столетия)»), и сочинить историю о том, как статуя Петра I каждую ночь объезжает границы империи («Медный всадник»), и размышлять о судьбе великого полководца («Дума при ввозе праха Наполеона в Париж»), и воскресить классическую элегию пушкинского типа («Сумерки»). Пожалуй, наибольшего внимания заслуживает роман в стихах «Современная сказка», очевидно, задуманный как параллель «Евгению Онегину», но написанный

восьмистишиями, напоминающими об октавах «Домика в Коломне». От этого замысла сохранилась только одна часть; скорее всего, другие не были написаны. В ней Третьяков повествует о характере, воспитании и времяпрепровождении князя N. N. Это сатирическое повествование, перебиваемое строчками точек, авторскими отступлениями и литературно-полемическими вставками:

XVI.

Вот близко полдень, князь не одевался.
Он занялся романом новым Сю;
Тогда весь свет Матильдой восхищался —
Свела она с ума Европу всю.
Хоть не люблю я повестей французских,
Но иногда, за наименьшем русских,
Читаю Сю, Бальзака и Виньи
И всех детей неистойвой семьи.

XVII.

И часто мне бывает больно, грустно,
Что русские не шегольнут умом.
Иной роман задумает искусно,
Да говорит татарским языком;
Иной напишет много, очень много,
Да мыслей нет, ни чувства и ни слога;
Немногих мы, меж нами, назовем
Людей с талантом, вкусом и умом.

XVIII.

Но эти люди — наши самоцветы,
В венце России лучшие листы!
Уж многих нет — увянули поэты,
Как осенью роскошные цветы!
Теперь мы редко встретимся в журналах
С талантом ярким, и не так ли в залах
Мы видим редко неподдельный стан,
Или красу встречаем без румян?

XIX.

У нас поэтов список бесконечный;
Но многих ли мы любим от души?
Найдем ли в них хотя огонь сердечный?
Прочтем стихи, и скажем: «Хороши,
Все стопы есть, и даже рифмы звонки,
Да мысли, мысли так щедушны, тонки,
Что длинную пиесу, без греха,
Мы заключили б смело в два стиха».

XX.

А публика все требует обнови,
И публику должны мы занимать.
Вот ей дают Сенсацы Курдюковой,

И с жадностью их начала читать;
Она, сначала, очень хохотала,
Творца Сенсаций розами венчала;
Но, признаюсь, тамбовскому певцу,
Венок из роз был очень не к лицу.

XXI.

Потом один искусник знаменитый,
Пустил в нее рой целый Комаров;
Но Комары мгновенно перебиты
Безжалостной хлопущей остряков.
Но вот явился с книгою огромной,
И, говорят, с поэмой многотомной,
Рассказчик умный острых повестей
И поднял шум поэмою своей...⁵¹

Пробует Третьяков свои силы и в прозе. «Литературная газета» (1842. № 22. 7 июня. С. 441–451) помещает на своих страницах рассказ «Бриллианты (Из записок чиновника особых поручений)», подписанный именем Тимона Бурмицкого⁵². Это детективная история о том, как приехавший в уездный город чиновник раскрывает кражу бриллиантов у местного помещика, изобличая при этом опасного преступника.

Наконец, в начале 1842 года Третьяков обращается к драматургии. В «Литературной газете» 26 апреля появляется статья «Обзор прошедшего театрального года и новости наступающего», где кратко анонсируются новинки грядущего сезона: «По случаю бенефисной поры, на нашей сцене готовится много новостей. Артисты хлопчут, авторы и переводчики усердно работают, приготавливая умственную пищу любознательным посетителям Александринского театра. Что-то будет? Вот некоторые из замечательнейших новостей, которые вскоре явятся на сцене: <...>

Помешанный, оригинальная драма Тимона-Бурмицкого.<...>

Драма Помешанный <...> — есть первый опыт молодого автора, только что вступающего на драматическое поприще. Г. Тимон-Бурмицкий уже знаком несколько русской публике, и мы могли бы указать на несколько прекрасных его вещей в самой нашей газете, но не имея права изменять чужой тайне, мы удерживаемся»⁵³.

Через несколько дней о «Помешанном» говорит и «Репертуар и Пантеон» в разделе «Драматический телеграф. Разные известия, толки и слухи»: «Мы также увидим вскоре оригинальную драму г-на Тимона-Бурмицкого: “Помешанный”...»⁵⁴.

К этому времени пьеса уже прошла драматическую цензуру и готовилась к представлению. Рапорт цензора М. Геденова о ней был краток, содержание «Помешанного» уложилось в два предложения: «Музыкант Альберт Мюллер сошел с ума от любви. Музыка возвращает ему разум. В пиесе нет ничего предосудительного»⁵⁵. Всемогущий начальник штаба корпуса жандармов согласился с мнением цензора и на рапорте написал столь же краткую резолюцию: «Позволяется. 25 апр.<еля> 1842 г. Г.<енерал> М.<айор> Дубельт». Спустя три недели в «Санкт-Петербургских ведомостях» помещается следующее объявление: «Завтра, 14-го мая. На Александринском театре, в пользу актера г. Григорьева 1-го, в первый раз:

Помешанный, драма в 1 д. — Похождения Петра Степанова сына Столбикова, ком. в 4 д. — Барская спесь и Анютины глазки, вод. в 1 д.»⁵⁶.

На цензурной рукописи пьесы⁵⁷ сохранился список актеров, принимавших участие в спектакле: Каратыгин 1-й, Максимов 1-й, Прусаков, Дюр, Каратыгина 1-я, Максимов 2-й, Леонидов, Ахалин, Яблочкин, Фалин. Там же есть помета: «Шла 55 минут».

Зрители большого интереса к этим трем пьесам не проявили. В итоговой годовой сводке посещения петербургских театров («Репертуар и Пантеон») приводятся следующие данные (почему-то в графе «апрель»): посетителей — 850, карет — 40, прочих экипажей — 15⁵⁸. На следующий спектакль (7 мая, без «Барской спеси») зрителей пришло еще меньше. Обращаемся к той же сводке: посетителей — 525, карет — 17, прочих экипажей — 10⁵⁹. После этого «Помешанный» больше не ставился⁶⁰, хотя «Столбиков» был сыгран еще один раз — 17 мая.

Первый отзыв о театральном дебюте Третьякова появился в «Литературной газете» и принадлежал Федору Кони: «*Помешанный* первый опыт нового драматурга, как мы теперь увидели, не есть чисто оригинальное произведение. Эта драма сделана из одноактной оперы Сен-Жоржа “Симфония” и носит на себе все родовые признаки своего французского происхождения. Отсутствие внутреннего содержания и избыток внешних эффектов, недостаток силы, полноты, так сказать, рельефной оконченности в характерах главных лиц, и совершенная неестественность содержания целой драмы — вот ее недостатки. Стихи гладкие, звучные, нередко сильные и эффектные — вот ее достоинство. Первые, т. е. недостатки, принадлежат французскому автору, вторые, т. е. достоинства, русскому»⁶¹. Пересказав сюжет пьесы, Кони заключает свой разбор следующими словами: «Читатель видит, что рассмотренное нами содержание драмы, кроме своих литературных достоинств, замечательно еще как практическое доказательство того, что музыкой действительно можно лечить сумасшедших. С своей стороны г. Тимон-Бурмицкий сделал все, что от него зависело, и мы думаем, что если б не столь неудачный сюжет, то драма его понравилась бы всем, без исключения. Теперь она понравилась только некоторым, которые и вызвали ее автора»⁶².

Следующий отзыв был более благожелателен. О «Помешанном» упомянул В. С. Межевич в «Северной пчеле»: «Эта небольшая драма написана очень хорошо, правильными стихами, и притом, стихами с рифмами. Публика вызвала автора, который все-таки останется для критики псевдонимом...»⁶³

Затем разбор пьесы Третьякова поместил «Репертуар и Пантеон»: «Драма „Помешанный“ есть ничто иное, как переделка Французской оперетки *La Symphonie*. Идея ее очень стара. Она помешана⁶⁴, Отец и дочь⁶⁵ — вертятся на том же самом. Здесь дело все в том, что композитор и учитель музыки в Дрезденском Университете, Алберт Миллер <sic! — А. Б.> за неприличное признание в любви к какой-то знатной графине во время публичного концерта, был посажен в тюрьму, где и сошел с ума. Сумасшедшего его выпустили; но он не излечился, а по-прежнему бредил графинсю и концертом, который он сочинил и который у него похитили. В один из приступов такой мании ученики его, студенты университета, вздумали разыграть его концерт, который именно у них находился. Первые звуки его поразили: он вслушивается, припоминает, мало-помалу мысли его светлеют, наконец, он приходит

в себя и совершенно излечивается от своего безумия. Знатная графиня, за которую Миллер столько пострадал, успела, во время его болезни, не только выйти замуж, но и овдоветь; а потому она, в порыве великодушия, отдает свою руку артисту. Эта небольшая драма написана весьма хорошими стихами»⁶⁶.

Затем пришла очередь тяжелой журнальной артиллерии — В. Г. Белинский в «Отечественных записках» (№ 6) посвятил «Помешанному» отдельную заметку, где дал вволю развернуться своему темпераменту и сарказму: «Не в добрый для посетителей театра час завелись в его репертуаре драмы с художниками, которые все больше или меньше помешаны от гения и от любви к знатым дамам, все больше или меньше нагоняют зевоту своим гением и любовью, все говорят больше или меньше громкие и избитые фразы без содержания, а иногда, по воле авторов, и без грамматики. Вот они больше и больше плодятся, эти художники, и продолжают надоедать собою зрителям. Новое драматическое дарование г. Тимона Бурмицкого дебютирует таким же избитым, монотонным и пошлым лицом. Впрочем, произведение нового драматиста отнюдь не оригинальное, а заимствованное из либретто одной французской оперы, хотя наш сочинитель почему-то взял весь грех такого изобретения на себя». Далее следует довольно подробный пересказ содержания пьесы; завершается заметка все же признанием версификаторского мастерства Третьякова: «Вольные стихи г. Тимона Бурмицкого, несмотря на свою вольность, довольно гладки, и, при лучшем выборе перевода, автор мог бы оказать некоторую услугу сцене, и без того наводняемой плохими переводами и плохими оригинальными творениями разных господ сочинителей»⁶⁷.

После этого в печати появилось еще два отзыва о «Помешанном»: издевательский — «Литературной газеты», назвавшей пьесу «рецептом от сумасшествия в стихах, который публика нашла весьма недействительным, именно потому, что она в здравом уме»⁶⁸, и сочувственный — «Репертуара и Пантеона», отметившего, что она «написана очень хорошими стихами»⁶⁹.

Итак, все рецензенты дружно заговорили о «Помешанном» как о пьесе переводной, при этом определенно называя оригинал: комическую оперу в одном акте «La Symphonie, ou Maître Albert», премьера которой состоялась на сцене парижского театра Опера-Комик 12 октября 1839 года⁷⁰. Ее авторами были композитор Антонин-Луи Клаписсон (1808–1866) и либреттист Жюль-Анри Вернуа де Сен-Жорж (1799–1875)⁷¹. Об этой постановке было известно в России: отчет о премьере «La Symphonie» с подробным изложением содержания оперы напечатала «Библиотека для чтения» уже в ноябрьском номере. Пересказав сюжет, анонимный обозреватель заключает: «В музыке *Clapisson'a*, говорят, много хорошего. Вообще это очень милая опера»⁷².

Странно, что журнал Сенковского обратил внимание на эту постановку. Театр Опера-Комик в конце 1830-х годов отнюдь не блистал. По свидетельству русского путешественника, побывавшего в Париже как раз в то время, «опера бедна и дарованиями и доходами. Первых нет потому, что лучшие французские певцы идут в Большую Оперу, а комической достаются по наследству только оборыши. Доходов нет потому, что меломаны идут слушать первоклассных певцов в Большую или Итальянскую оперу, предпочитая их посредственности, украшающей Оперу Комическую. По примеру певцов, лучшие композиторы трудятся для Большой Оперы,

а Комическая должна кое-как пробавляться трудами новичков»⁷³. Да и сама опера все-таки, по-видимому, не была выдающейся: в книге А. Собые и Ш. Малерба об истории Опера-Комик, начинающей хронологию только, к сожалению, с 1840 года, есть глава с ретроспективным обзором предыдущей деятельности театра. «La Symphonie» упоминается там только один раз — в общем списке одноактных опер 1839 года, хотя о многих других спектаклях рассказывается весьма подробно⁷⁴.

Нельзя сказать, что имя либреттиста Сен-Жоржа не было известно русской публике. На рубеже 1830–1840-х годов было переведено и поставлено как минимум три его пьесы: «Влюбленный рекрут, или Поддельная Швейцария» (1838–1844; пер. Н. И. Куликова), «Лауретта, или Красная печать» (1841; пер. С. П. Соловьева), «Час в тюрьме, или Еще в чужом пиру похмелье» (1830–1844; пер. Д. Т. Ленского). В различных библиотеках хранится большое количество французских оригиналов его либретто, но «Симфонии» среди них нет. Скорее всего, Третьяков сюжет своей пьесы почерпнул только из пересказа «Библиотеки для чтения».

После постановки «Помешанного» его автор прожил немногим более полугода: в ночь с 30 на 31 декабря 1842 года Третьякова не стало. За несколько дней до его кончины, 24 декабря, Министерством внутренних дел был издан циркуляр «Об отыскании Титулярного Советника *Третьякова* и о взыскании с него денег»⁷⁵. Зачем понадобился Николай Николаевич родному министерству — этого мы не знаем. Можно отметить лишь то, что умер он все-таки в чине титулярного советника.

Но литературная судьба его на этом не закончилась. Как упоминалось выше, стихи Третьякова в петербургской периодике печатались еще три года. Также две публикации появились на страницах харьковского «Молодика», выпускавшегося И. Ю. Бецким.

Для этого издания Третьяков послал Бецкому как минимум три стихотворения: рукописи двух сохранились в архиве последнего⁷⁶. Одно из них было напечатано в первой части «Молодика» за 1843 год; она была процenzурована еще при жизни поэта (10 сентября 1842 г.), но едва ли он успел поддержать ее в руках⁷⁷. Это стихотворение — «Негодование» — уже было опубликовано в 1841 году; для публикации в альманахе Третьяков ряд мест подверг стилистической правке, а один фрагмент исключил. Еще один ранее опубликованный фрагмент был вычеркнут цензором альманаха А. В. Никитенко. Мотивом к исключению послужило, по-видимому, то, что в нем Третьяков уничижительно говорит о современном состоянии русского духа:

Печально я смотрю на этот жалкий век,
 Когда в род обезьян стал русский человек!
 И где наш русский дух? Здесь Русию не пахнет;
 Презреньем он покрыт, в забвении он чахнет!
 Давно ли на полях родных Бородина
 Он славой озарил святые знамена?
 Давно ли он, презрев суд тягостный потомков,
 Погреб своих врагов под грудую обломков
 Столицы северной, где он мужал и рос,
 Где сокрушенный пал воинственный колосс?

Давно ли создавал в избах, в чертогах Царских,
Из граждан — Мининых, из воинов — Пожарских?
А где же он теперь? Он, старый инвалид,
Для моды суетной заброшен, позабыт;
Но он не умер в нас; единое мгновенье
И духа русского настанет воскрешенье!

Публикация «Негодования» в «Молодике» было одобрена редактором журнала «Маяк» С. А. Бурачком, который в своей рецензии на альманах назвал стихотворение «отрывком Русской правды» и, полностью выписав его, прокомментировал так: «Жаль, что негодующий поэт ограничился только *балом*. Заглянуть бы ему во Французскую эстетику, которая своими произведениями более всего, как ржавчина доедает драгоценнейшие стихии нашей народности, — каким сильным и праведным негодованием наполнилось бы сердце его и с какою силою увесистого молота загремел бы его стальной стих. Но и за то спасибо»⁷⁸. В других рецензиях на «Молодик» имя Третьякова упомянуто не было. В 1844 году в очередной части «Молодика» было опубликовано еще одно стихотворение Третьякова, послание С. Ф. Дурову⁷⁹, с подзаголовком в оглавлении: «Последнее стихотворение Н. Третьякова».

Было ли это стихотворение действительно последним, мы уже никогда не узнаем, как не узнаем и многого другого из жизни этого рано умершего поэта. Но на страницах старых журналов и альманахов остались его стихи, и они не дают нам права окончательно забыть о нем.

Примечания

¹ Северная пчела. 1843. № 4. 7 янв. С. 13.

² С.-Петербург. ведомости. 1843. № 6. 9 янв.

³ Московские ведомости. 1843. № 5. 12 янв.

⁴ Литературная газета. 1843. № 2. 10 янв. С. 42.

⁵ Сын Отечества. 1843. № 2. Отд. III. С. 1–8. Подпись: Ред. С. О. <К. П. Масальский>.

⁶ Месяцеслов на (високосный) 1844 год. СПб., [1843]. С. 168.

⁷ Азбучный список имен русских деятелей для Русского биографического словаря. СПб., 1888. Ч. 2. С. 353.

⁸ РНБ. Ф. 178, ед. хр. 21, л. 78.

⁹ Русский энциклопедический словарь, издаваемый проф. С.-Петербургского ун-та И. Н. Березиным. СПб., 1873. Отд. 1. Т. 1. С. 653.

¹⁰ Библиографические записки. 1892. № 6.

¹¹ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1956. Т. 1. С. 173. У Смирнова и у Масанова псевдоним Третьякова указан неверно: Бумицкий. Вероятно, Смирнов некорректно воспользовался некрологом «Литературной газеты», где совершена та же ошибка.

¹² Формулярный список Н. И. Третьякова (составлен 1 января 1818 г.) // РГВИА. Ф. 489, оп. 1, ед. хр. 7060, л. 464–467. — Далее служебные перемещения Н. И. Третьякова даются по этому источнику.

¹³ Список генералам, с означением имен, знаков отличия и старшинства в чинах. Напечатан по 4-е число Декабря, 1820 года. <Исправлен Высочайшим Приказанием по 23 июня 1825 года.> С. 232. [Экземпляр библиотеки РГИА, № 76 830.] Кроме того, Третьяков-отец был кавалером именной золотой медали за штурм Праги. (См.: Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи на лето от Рождества Христова 1820. СПб., [1820]. Ч. 1. С. 129.)

¹⁴ РГВИА. Ф. 489, оп. 1, ед. хр. 7060, л. 466 об. В «Азбучном списке имен русских деятелей для Русского биографического словаря» (с. 353) ошибочно указано, что командиром Шостенского порохового завода Третьяков-отец был с 1818 г.

¹⁵ Нижняя граница устанавливается по источнику, цитировавшемуся выше (см. примеч. 13); верхняя — по книге «Список генералитету по старшинству. Напечатан по 14-е Апреля 1826 года» (Б. м., б. г.), в котором имя Третьякова-отца уже не встречается.

¹⁶ Месяцеслов, или Общий штат Российской Империи на 1836 год. СПб., [1836]. Ч. 1. С. 359. Сведения о Вистицких, в том числе и об интересующем нас лице, имеются в «Энциклопедическом лексиконе» А. А. Плюшара: «Вистицкие, Русский дворянский дом. <...> Григорий Степанович, родился в 1765 году, скончался 1 июня 1836, после сорокалетней службы, в чине тайного советника и в звании сенатора, имея орден св. Анны 1 класса. Потомства по себе не оставил» (СПб., 1837. Т. 10. С. 434).

¹⁷ См.: <Саутов В. И.> Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 2. С. 318.

¹⁸ В одном из лицейских документов Третьяков назван его племянником (ЦГИА СПб. Ф. 11, оп. 1, ед. хр. 745, л. 44 об.); из рода Кандалицевых происходила мать будущего поэта (РГВИА. Ф. 489, оп. 1, ед. хр. 7060, л. 465).

¹⁹ См.: <Матвеев В. М.> Путеводитель 60 000 адресов из Санкт-Петербурга, Царского Села, Петергофа, Гатчина и прочия. 1854. СПб., [1853]. С. 116. В известный указатель «Справочники по истории дореволюционной России» под редакцией П. А. Зайончковского (М., 1974) этот путеводитель внесен дважды: под № 4492 (автор указан) и № 4493 (автор не указан). Очевидно, путаница произошла оттого, что в первом случае он был описан по обложке, а во втором — по титульному листу, которые существенно различаются между собой. Не указано также, что в том же году вышло прибавление к «Путеводителю...».

²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 11, оп. 1, ед. хр. 728, л. 12. Следует, впрочем, указать, что в списке воспитанников Благородного пансиона, составленном 1 сентября 1827 г. (ЦГИА СПб. Ф. 1022, оп. 1, ед. хр. 249) Николай Третьяков по каким-то причинам не значится.

²¹ Там же. Л. 6. Впоследствии Александр Николаевич Третьяков (1813–1867) пойдет по стопам отца: станет военным и дослужится до чина полковника (см.: <Саутов В. И.> Петербургский некрополь. СПб., 1913. Т. 4. С. 287).

²² ЦГИА СПб. Ф. 11, оп. 1, ед. хр. 728, л. 4.

²³ Там же. Ед. хр. 745, л. 44 об.

²⁴ Там же. Л. 120.

²⁵ Там же. Ед. хр. 744, л. 27 об. В этом документе также указано, что Третьяков находился в пансионе на казенном содержании, что противоречит приведенным выше сведениям.

²⁶ Там же. Ед. хр. 743, л. 101.

²⁷ Яков Владимирович Ханыков (1818–1862) — будущий географ и картограф, оренбургский гражданский губернатор, знакомый М. Е. Салтыкова-Щедрина.

²⁸ Из воспоминаний А. А. Харитонова // Императорский Лицей в памяти его питомцев. Царскосельский Лицей (1811–1843) / сост. Л. Б. Михайлова. СПб., 2011. С. 349–351.

²⁹ Литературная газета. 1843. № 2. 10 янв. С. 42.

³⁰ Третьяков Н. Моя келья // Библиотека для чтения. 1843. Т. 57. № 3. Отд. I. С. 7.

³¹ ЦГИА СПб. Ф. 11, оп. 1, ед. хр. 739, л. 31. В документе, к сожалению, не указан год, когда это случилось, но зато указан месяц — декабрь. Нельзя исключить, что именно эти сутки, проведенные в холодном зимнем карцере, послужили причиной того, что он всю дальнейшую жизнь был слаб здоровьем, да и умер, по сообщению одного из некрологов, «в следствие сильной простуды» (Литературная газета. 1843. № 2. 10 янв. С. 42.), по свидетельству другого — «от продолжительной болезни» (Сын Отечества. 1843. № 2. Отд. III. С. 1).

³² ЦГИА СПб. Ф. 11, оп. 1, ед. хр. 774, л. 2.

³³ Там же, ед. хр. 765, л. 152.

³⁴ Там же. Л. 153.

³⁵ Там же. Л. 250 об.

³⁶ Там же. Л. 244 об.

³⁷ Там же. Л. 228.

³⁸ Из воспоминаний А. А. Харитонова. С. 351–353.

³⁹ ЦГИА СПб. Ф. 11, оп. 1, ед. хр. 765, л. 252 об.

Н
2-е изд.

⁴⁰ В одной из описей фонда Министерства внутренних дел (РГИА. Ф. 1284, оп. 20, л. 87) значится дело «Об определении выпущенного из Импер.-аторского» Царскосельского Лицея с Чином Кол.<лежского> Рег.<истратора> Третьякова в канцелярию М<инистерст>ва Внутр.<енных> дел. Тут же и о перемещении его в «Статистич.<еское> Отделение Совета Министра Внутр.<енных> дел», начатое 13 ноября 1835 г. и законченное 10 декабря 1836 г.; само же дело уничтожено. Вместе с Третьяковым на службу в Министерство Внутренних дел поступили и его лицейские одноклассники В. И. Александров, П. Н. Перовский, Я. В. Ханьков, П. А. Апухтин и А. А. Бекман.

⁴¹ Памятная книжка лицеистов. СПб., 1907. С. 19. Возможно, составителями этой книги как автобиографическое свидетельство был воспринят подзаголовок упомянутого выше рассказа «Бриллианты» — «Из записок чиновника особых поручений».

⁴² РГИА. Ф. 1349, оп. 4. В алфавитном каталоге оп. 6 того же фонда имя Третьякова не упоминается; общие формулярные списки чиновников МВД, хранящиеся в оп. 5, составлялись, к сожалению, уже в более позднее время.

⁴³ «Братья близнецы» (1841. № 9. Отд. I. С. 9–11), «Несчастье» (1841. № 10. Отд. I. С. 85), «Сумерки» (1842. № 1. Отд. I. С. 12), «Спящая красавица» (1842. № 4. Отд. I. С. 136–137), «Мелодия» (1842. № 8. Отд. I. С. 120–121), «Няня» (1842. № 12. Отд. I. С. 69–70).

⁴⁴ «Молодой купец и жена его. (Новгородское предание)» (1842. № 2. 11 янв. С. 25–29), «Медный всадник» (1842. № 4. 25 янв. С. 72), «Русская баня» (1842. № 7. 15 февр. С. 141–142).

⁴⁵ «Отрочь-монастырь (Тверское предание XIII столетия)» (1842. № 5. Отд. III. С. 1–16).

⁴⁶ Ради полноты картины назовем также оставшееся в рукописи шуточное стихотворение «Н. Д. Деларю. В ответ на его послание», датированное 4 янв. 1842 г. (ГПБ. Ф. 242, ед. хр. 79, л. 1).

⁴⁷ <Без подписи>. Пантеон русского и всех европейских театров на 1841 год. Книжка VI. СПб., 1842 // Литературная газета. 1842. № 12. 22 марта. С. 253.

⁴⁸ «Островок» (1843. № 9. 28 февр. С. 173–174), «Дума при ввозе праха Наполеона в Париж» (1845. № 27. 17 июля. С. 453).

⁴⁹ «Спор», «Пустынная обитель» (1843. Т. LVI. Отд. I. С. 10–14), «Моя келья» (1843. Т. 57. Отд. I. С. 7–9), «Современная сказка» (1845. № 11. Отд. I. С. 5–14).

⁵⁰ «Замок девы (Цареградское предание)» (1843. № 2. Отд. III. С. 1–8).

⁵¹ Библиотека для чтения. 1845. Т. 73. № 11. Отд. I. С. 9–10; в последних двух строфах речь идет о Мятлеве, Булгарине и Гоголе.

⁵² Насколько нам известно, это единственный случай, когда Третьяков использовал данный псевдоним на страницах печати. Утверждение И. Ф. Масанова, что он им подписывался в «Библиотеке для чтения» и в «Пантеоне», ошибочно.

⁵³ Литературная газета. 1842. № 16. 26 апр. С. 333. Авторство части этой статьи приписывается Н. А. Некрасову (см.: Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Л., 1989. Т. 11, кн. 1. С. 309–311, 457–458. Ср., однако, комментарий Г. В. Краснова в кн.: Переписка Н. А. Некрасова: в 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 43).

⁵⁴ Репертуар и Пантеон. 1842. Кн. IX. С. 40; 2-я паг.

⁵⁵ РГИА. Ф. 780, оп. 1, ед. хр. 18, л. 28.

⁵⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 1842. № 97. 3 мая. С. 416.

⁵⁷ СПбГТБ. I. V. 2. 21. В библиотеке хранится еще один список пьесы (возможно, автограф?) без помет цензора и с зачеркнутым вторым заглавием — «Безумье и музыка» (СПбГТБ. I. IX. 4. 80).

⁵⁸ Репертуар и Пантеон. 1842. Кн. XI. С. 71; паг. 2-я.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ В «Истории русского драматического театра» (Т. 3: 1826–1845. М., 1978. С. 297) указано, что «Помешанный» ставился якобы еще два раза в 1844 г. Это неверно: 21 апреля и 14 июля (а не июня, как в указ. изд.) 1844 г. шла другая пьеса тоже под названием «Помешанный» — анонимный перевод французского водевиля «Césaire, ou Le chien du châteaueau» (1837; музыка Е. Scribe и Varner). Премьера же ее состоялась также в 1842 г. (см.: Вольф А. И. Хроника Петербургских театров. СПб., 1877. Ч. 2. С. 88). Отметим также, что псевдоним Третьякова в «Истории русского драматического театра» не раскрыт и не внесен в указатель имен, как, впрочем, и подлинная фамилия автора.

↓ А. - Ф.

Каборос

↑
1а

⁶¹ Литературная газета. 1842. № 18. 10 мая. С. 368.

⁶² Там же. С. 368–369.

⁶³ М. <Межевич В. С. > Александринский театр // Северная пчела. 1842. № 109. 18 мая. С. 434–435.

⁶⁴ Она помешана!: комедия в 2-х действиях // Репертуар русского театра. 1841. [Т. 1]. Кн. IV. Об этой пьесе см.: Там же. Кн. V. С. 32–33; Москвитянин. 1842. Ч. III. № 6. С. 362. Автор пьесы — французский водевилист А.-О.-Ж. Меллефвилль, перевод (или переделка) В. А. Каратыгина.

⁶⁵ Отец и дочь: драма в 5 отд. // Репертуар и Пантеон. 1842. Кн. 1. Об этой пьесе см.: Репертуар русского театра. 1841. [Т. 2]. Кн. 12. С. 30–31; Маяк. 1842. Т. 1. Замечатель. С. 52–53; *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: в 8 т. М., 1955. Т. 6. С. 77–79. Автор пьесы (переделанной из оперы итальянского композитора Ф. Паэра) — П. Г. Ободовский.

⁶⁶ Репертуар и Пантеон. 1842. Кн. 10. С. 39; паг. 2-я.

⁶⁷ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. / Т. 6. С. 206–207. Здесь рецензия эта никак не откомментирована, как, впрочем, и в кн.: *Белинский В. Г.* О драме и театре: в 2 т. М., 1983. Т. 2. В последнем издании псевдоним Третьякова не раскрыт и не внесен в указатель. Отметим также, что Указатель к Полн. собр. соч. В. Г. Белинского отошлет интересующихся Третьяковым только к вышеупомянутой заметке, тогда как Белинский упомянул его также в рецензии на «Цветы музыки» А. Ф. Градцева (Т. 5. С. 607).

⁶⁸ Ф. К. <они>. Обзор драматической деятельности за первую половину 1842 года // Литературная газета. 1842. № 34. 30 авг. С. 704.

⁶⁹ <Без подписи>. Петербургские театры в 1842 году // Репертуар русского и Пантеон иностранных театров. 1843. Т. 1. № 1. Затем эта статья была в сокращенном виде (но с сохранением отзова о пьесе Третьякова) перепечатана «Северной пчелой». В ней, кстати, «Помешанный» назван «переделкой».

⁷⁰ Grand Dictionnaire universel du XIX-e Siècle par P. Larousse. Paris, [s. a.]. Т. 4. P. 384; об этой постановке см. также: *Clément F., Larousse P.* Dictionnaire des Opéras (Dictionnaire lyrique). Paris, [1897]. P. 1060; *Gautier Th.* Histoire de l'art dramatique en France depuis vingt-cinq ans. Bruxelles, 1858. [Т. 1]. P. 306–308.

⁷¹ Дату рождения Сен-Жоржа приводим по наиболее авторитетному в наши дни театральному справочнику: Enciclopedia dello spettacolo. Roma, [1961]. Vol. 8. Col. 1398. Ряд других источников называет 1801 г.

⁷² <Без подписи>. Оперный театр в Париже // Библиотека для чтения. 1839. № 11. Отд. VII. С. 93.

⁷³ *Строев В. М.* Париж в 1838 и 1839 годах. СПб., 1842. Ч. 2. С. 169.

⁷⁴ *Soubies A., Malherbe Ch.* Histoire de L'Opéra-comique. La Soconde salle favart. 1840–1860. Paris, 1892. P. 25.

⁷⁵ Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел, с учреждения Министерства по 1 октября 1853 г. СПб., 1854. Т. 1. С. 595.

⁷⁶ РГБ ОР. Ф. 32, карт. 12, ед. хр. 1, л. 275–275 об.

⁷⁷ Молодик на 1843 год. Харьков, 1843. Ч. 1. С. 299–300.

⁷⁸ С. Б. <урачок>. Молодик. Украинский литературный сборник, издаваемый И. Бецким. Харьков, 1843 // Маяк. 1844. Т. 10, гл. IV. С. 82.

⁷⁹ Молодик на 1844 год. Украинский литературный сборник, издаваемый И. Бецким. СПб., 1844. С. 31. Расшифровку адресата послания см.: *Срезневский В. И.* Бецкий — издатель «Молодика». СПб., 1900. С. 21. Список этого стихотворения имеется в РГАЛИ (Ф. 1346, оп. 1, ед. хр. 125). Перепечатано в кн.: Поэты-петрашевцы: А. П. Баласогло, А. И. Пальм, Д. Д. Ахшарумов, С. Ф. Дуров, А. Н. Плещеев / подг. текста, примеч. и биогр. справки В. Л. Комаровича. Л., 1957. С. 149 («Б-ка поэта»). Бол. сер.).

Н6

J13

⚡

Lè

ВСЕРОССИЙСКИЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА

**ПУШКИНСКИЙ
МУЗЕУМ**

АЛЬМАНАХ

6

Санкт-Петербург
2014